

Наталья Павлович

**«МЫ ПРИШЛИ, ЧТОБЫ НАДЕЛИТЬ ВАС ВЛАСТЬЮ»:
ВСТРЕЧА ЛИБЕРАЛЬНОГО ФЕМИНИСТСКОГО
ДИСКУРСА С ПОВСЕДНЕВНЫМ ОПЫТОМ ЖЕНЩИН
В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ**

Natallia Paulovich

**“We Came to Empower You”: Liberal Feminist Discourse
Meets Everyday Experience of Women in Modern Georgia**

When I first came to Georgia as part of my dissertation research on the transformation of the position of women in Georgian society, I immediately became acquainted with non-governmental women's organizations as the most accessible field for me as a young anthropologist. The NGO-activists shared a liberal feminist discourse concerning the position of women in the country. At the same time, after spending time with ordinary Georgians, from whom I rented housing, I heard completely different narrations about understanding themselves as members of society, which had nothing to do with the discourse offered by the representatives of the non-governmental sector. The longer I spent in Georgian families confirmed my conviction that the views of local NGOs on the situation of the Georgian woman in the post-Soviet context are a reflection of the expectations of their Western donors. The everyday life of the modern Georgian woman possesses qualities that can be characterized as agentic. In this essay, I present the dilemmas I was confronted with after learning about the two different narratives during my stay in the field. My analysis will be based on criticism of liberal feminism. I will achieve this by offering an approach that can make a contribution to understanding the position of woman in post-Soviet society.

Keywords: anthropology, donors, liberal feminist discourse, NGOs.

Впервые Южный Кавказ мой научный интерес привлек в 2008 г. И хотя в тот период основной упор я делала на историю – исследовались теории происхождения абхазского народа, – уже тогда меня не покидало ощущение, что любая информация, которая касалась региона, неизменно характеризовалась принадлежностью к одному из двух несогласных друг с другом «лагерей», а именно прогрузинскому либо проабхазскому¹. Похожее ощущение превалировало и когда я впервые приехала в Грузию в 2011 г. в целях пилотного исследования для своей диссертации в Институте философии и социологии Польской академии наук². Однако, несмотря на то что уже тогда я имела дело не с безмолвными письменными источниками, а с живыми людьми, так как исследование должно было носить антропологический характер, мне снова пришлось встретиться с противоречиями, представленными в данном случае голосами женщин.

В ходе полевых исследований я планировала изучение социальной позиции современной грузинской женщины, базирующееся на проведении интервью с грузинками самых разных профессий и социального статуса. Предполагалось также проведение встреч с представительницами женских неправительственных организаций, которые, как предусматривалось, помогли бы мне разъяснить ключевые моменты в поставленных мной первоначальных исследовательских вопросах. Образ, который успел сложиться за первый месяц, характеризовался своей противоречивостью в первую очередь по той причине, что наррации женщин из неправительственных организаций и те, которые были услышаны на семейных кухнях, имели двойственную природу.

С одной стороны, наррации представительниц неправительственных организаций казались мне отстраненными, представленными не от своего имени, так как они говорили со мной главным образом не о своем личном опыте, а старались описать положение женщин в Грузии в общем, что было связано в первую очередь со спецификой их работы, которая предполагала создание коллективного субъекта, т.е. «грузинских женщин», и высказывание от их имени. С другой стороны, в беседах с ними прослеживался и другой мотив, который перекликался с мотивом высказываний самих «грузинских женщин», о которых мне как раз и стремились рассказать представительницы НПО, женщин, не вовлеченных в гендерную повестку, которых я встречала на протяжении своего пребывания в Грузии.

Ощущение двойственности после разговоров со всеми этими женщинами и натолкнуло меня на написание данной статьи, в которой в первую очередь хотелось бы обратиться к наррациям женщин из неправительственных организаций и понять, что та информация, которую они преподносили мне, говорит о них

¹ Речь идет о грузино-абхазском конфликте, причиной которому стали межэтнические противоречия, приведшие к войне 1992–1993 гг.

² Тема диссертации: «Позиция женщин в контексте социально-культурных изменений в Западной Грузии с перспективы антропологии питания».

самих, об отношениях, в которые они оказались вплетены, и об общей ситуации в стране, где такого рода отношения оказались возможными. Кроме того, я планирую неоднократно обращаться к опыту женщин, не связанных с работой в неправительственном секторе, – женщин разного происхождения. Обе эти перспективы, а также схожие моменты жизненного опыта этих женщин помогут, я надеюсь, понять природу двойственности в рисуемых ими картинах действительности.

Вместе с тем предлагаемая мной перспектива не может рассматриваться в качестве универсальной и отражать все возможные проявления сложной социальной структуры. Являясь антропологиней, я понимаю, что антропологический взгляд микроскопичен (Гирц 2004) и всегда есть место для множества интерпретаций, тем более что в ходе своего исследования я взаимодействовала с определенной группой. Кроме того, вероятно, многое мной просто не было услышано или сознательно замалчивалось собеседницами.

Моими собеседницами были гетеросексуальные женщины, не сомневающиеся в своей «женскости» и не ставящие разделение мира на мужчин и женщин под вопрос. В результате я имела дело с весьма определенным женским субъектом, который был привилегирован во многих смыслах. Кроме того, из моего исследования исключен ряд других возможных критериев, как, например, сексуальность и гендерная идентичность, появление которых могло привести к иным нарративам.

Как покажет представленный материал, именно специфика функционирования неправительственного сектора в постсоциалистическом регионе привела к тому, что многие женщины в определенном смысле оказались по разные стороны дискурсивного поля, так как работа части из них как раз и была связана с тем, что они обязаны были говорить от лица других, пытаясь найти финансирование для своих организаций с привлечением иностранных доноров и конструируя таким образом некое коллективного субъекта, характеристиками которого, как впоследствии окажется, они сами обладали, будучи все теми же «грузинскими женщинами». Именно это и являлось причиной двойственности, которая имеет свои функции и производит некоторое напряжение в дискурсивном поле. Функциональность может быть обусловлена в первую очередь социально-экономическими условиями, в которых оказалась Грузия и весь постсоветский регион, когда работа в неправительственном секторе представлялась многим хорошей возможностью трудоустройства со стабильным заработком, превышающим средние показатели по стране, что влекло за собой последующую адаптацию к предлагаемым к предлагаемым в этой сфере нарративам. В то же время цель данной статьи – обратить внимание на проблематичность распространения/применения универсализированного феминистского дискурса на конкретный локальный контекст. Я уверена, что эта проблематичность должна вызвать активные дебаты, в том числе по той причине, что в последнее

время она активно используется в политических дискуссиях, особенно тех, что связаны с функционированием НПО в отдельных странах Центрально-Восточной Европы. Осознавая это, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что предлагаемое противопоставление «обычных» женщин и женщин из НПО условно, и впоследствии в статье будут освещены моменты, когда видение теми или иными организациями и их целевыми группами определенных проблем в обществе совпадало, и я лишь намеренно в ряде случаев заостряю различия, полностью осознавая собственный стратегический эссенциализм.

Феномен «гражданского общества» в постсоветском контексте

Становится понятным, что данный анализ не обойдется без акцента на самом явлении гражданского общества, развитие которого стало одной из основных задач после распада Советского Союза. Эта идея начала активно поддерживаться западными донорами. Продвижение повестки извне, а также низовая потребность в ГО, вызванная появлением возможности для самовыражения в освободившейся от вмешательства прежней государственной власти с ее репрессивными методами контроля общественной сфере, привели к возникновению огромного количества неправительственных организаций, в том числе на территории Грузии, где дополнительным фактором стали войны в Абхазии и Южной Осетии в начале 1990-х с волной беженцев из этих бывших автономных республик и отдельной группой НПО и гуманитарных организаций, основной объем работы которых был направлен именно на эту уязвимую группу.

Западные антрополог_ини уже в 1990-х гг. стали обращать внимание на необходимость детального рассмотрения всего спектра взаимоотношений, которые выступают в практиках субъектов, вовлеченных в реализацию проектов, финансируемых западными донорами, отвергая односторонний позитивный взгляд на «проникновение» гражданского общества в бывший тоталитарный уклад (Phillips 2005; Hann and Dunn 1996; Rivkin-Fish 2000, 2004; Hemment 2004; Helms 2003; Fisher 1997; Abramson 1999; Lewis 1999; Turbine 2015). Несмотря на это, подходы и стратегии иностранных доноров и НПО-активист_ок продолжали следовать прежним парадигмам, отражающим цивилизационную логику существующих между ними отношений, которая предусматривала нескончаемые стремления Запада «модернизировать» восточного «недоразвитого» соседа и часто характеризовалась нечувствительностью в отношении к реальным социально-экономическим и политическим предпосылкам функционирования общества, где осуществляется реализация проектов. О причинах такой сознательной «слепоты», а также характере оперирования одолженным у западных доноров дискурсом и будет идти речь в данной статье.

Постсоветский «НПО-бум», как его назвала Филипс (Philips 2005: 493), характеризовался значительными финансовыми вливаниями в бывшие социалистические государства со стороны американского правительства, различных структур Европейского союза и таких меценатов, как Джордж Сорос, с целью ускоренного строительства демократии посредством построения местного гражданского общества. С этой целью в Восточную Европу направились (или же осуществляли свою поддержку дистанционно) эксперт_ки и консультант_ки, вдохновлявшие на создание все большего количества неправительственных организаций в регионе, среди которых был целый спектр женских организаций: женские правозащитные группы, гендерные think-tank, приюты для женщин, горячие линии для жертв насилия, кризисные центры, центры по оказанию помощи жертвам траффинга и т.д.

Некоторые из этих организаций имели свои корни в такой официальной советской структуре, как женсоветы, другие же, наоборот, старались отгородиться от каких-либо связей с идеологией прошлого. Среди последних отдельную группу представляли женщины с академическими степенями, часто обучавшиеся в западных университетах и знакомые с феминистской академической литературой. Эти представительницы неправительственного сектора отличались достаточно высоким уровнем знания английского языка, много путешествовали, а потому их диалог с иностранными донорами оказывался наиболее успешным, что отражалось в стабильном финансировании их проектов (Hemment 2004: 822). Вместе с тем в связи с отсутствием возможности получения для реализации проектов ресурсов из локальных источников практически все женские организации в регионе оказывались зависимыми от иностранного финансирования, которое определяло будущее существование этих организаций, где для многих из их членов работа в рамках проектов была единственной занятостью в сложный переходный период. Бывая в Грузии с 2011 г., я часто сталкивалась с жалобами работниц и лидерок местных женских НПО на трудности получения финансирования для своих проектов, что являлось для них серьезной проблемой, сказывающейся на повседневном функционировании самих этих женщин.

В случае Грузии в этот период (это же можно было наблюдать и в других странах региона) происходило заметное сокращение финансирования, что явно ставило отдельные НПО на грань прекращения их существования и требовало лавирования в рамках реализуемых проектов с целью привлечения доноров. Об изменениях идейной парадигмы в рамках женских НПО в России упоминала и Хеммент, описывая пример работы одного из кризисных центров в Твери. По словам создательницы центра Октябрины, созданный в 1998 г. «Женский свет» выступал «под маркой» кризисного центра исключительно из прагматических соображений. Он занимался реализацией запланированных проектов в рамках зонтичной инициативы (Hemment 2004: 832) и таким образом практически не работал с вопросами, касавшимися домашнего насилия, а занимался акту-

альными потребностями местных женщин, концентрировавшимися главным образом вокруг материальных проблем. Впоследствии же, в начале 2000-х, работа кризисного центра все больше стала сосредотачиваться на разнообразных аспектах семейных отношений, куда уже было включено насилие со стороны членов семьи, на что, несомненно, повлиял целый спектр локальных факторов, среди которых Октябрина называла установку телефонной линии в их офисе, что сразу же позволило запустить телефон доверия (Hemment 2004: 833). Вместе с тем, будучи с очередным визитом в Твери, исследовательница встретилась с недовольством представительниц организации, выдвигавших претензии в отношении доноров, которые выражали неудовлетворенность работой «Женского света», его актуальными проектами и давили на организацию с целью переключения ее фокуса на вопросы торговли людьми (trafficking) (Hemment 2004: 834).

Отсюда можно сделать вывод, что зависимость от иностранного финансирования во многих случаях становилась причиной приведения программ локальных организаций в соответствие с либеральными идеями о содержании концепции гражданского общества и актуальными «продемократическими» дискурсами, переносимыми на восточноевропейский контекст, в чем местные актор_ки оказывались непосредственными ассистент_ками. Вместе с тем такое поведение последних нельзя назвать неререфлексивным, о чем свидетельствует тот факт, что те же работницы «Женского света», например, сами рассказывали исследовательнице о своих проблемах во взаимоотношениях с донорами.

В своей статье Наяк и Сачленд называли гендерное насилие и траффикинг гегемонными дискурсами неолиберализма. Исследовательницы вкладывали в это понятие идею о том, что в определении характера работы локальных организаций участвуют западные политические институты, навязывая свое понимание остальным актор_кам, из чего, как ожидается, должны следовать их конкретные действия: «...настоящие гегемонные практики неолиберализма и неокOLONИализма ограничивали понимание того, как должны выглядеть демократия и права человека до строго определенных форм и дефиниций, определяли допустимость действий, предпринимаемых во имя демократии и прав человека, а также параметры справедливости и политического участия» (Nayak and Suchland 2006: 470). Тверская организация «Женский свет» – лишь один из многих примеров такого взаимодействия. Вместе с тем понятия «гендерного насилия» и «насилия в отношении женщин», предлагаемые транснациональными группами адвокации, основываются на репрезентативности понимания гендерного насилия, которое исключает насилие в отношении мужчин и других маргинализированных групп (Nayak and Suchland 2006: 471–472), что не всегда находит отклик в локальном контексте. Это, в частности, наблюдалось на постсоветском пространстве, где как мужчины, так и женщины в равной степени ощущали себя жертвами тех или иных насильственных действий обеих систем – репрессивной советской и пришедшей ей на смену необузданной свободно-рыночной

экономики. Результатом этих навязанных сверху интерпретаций стали стратегии локальных актор_ок, которые в своих инициативах редко использовали такие термины, как гендер/гендерный либо феминизм, за что часто оказывались обвиненными в неправильном понимании (*false consciousness*) тех или иных явлений гендерной действительности (Suchland 2011: 850).

Проблемы с пониманием локального контекста

Часто глобальные акторы, выступавшие в качестве ключевых игроков в рамках реализации проектов и определявшие таким образом правила игры, оказывались не в состоянии учитывать локальную специфику и руководствовались универсальными представлениями о том, в чем люди в кризисное время ощущают наибольшую потребность. Не учитывался также такой ключевой фактор, как условия формирования гражданского общества, возвращение которого на местной почве в соответствии с западными либеральными идеалами ставилось в качестве первоочередной задачи, и отличие локальных условий от среды, в которой оно зарождалось первоначально. Как результат, превалирующее большинство неправительственных организаций на постсоветском пространстве возникало не как следствие определенных низовых потребностей, а под влиянием стремлений доноров стать первопроходцами на ниве зарождения гражданского общества в регионе (Ghodsee 2004: 739), что превращало на первый взгляд положительные намерения в навязанные извне механизмы воздействия.

Недавно возникшие местные НПО, что неудивительно, тут же оказались вплетенными в тесную систему взаимоотношений как с донорами, так и с другими транснациональными организациями, отрываясь таким образом от локального контекста и забывая о потребностях, которые члены этих НПО, возможно, еще совсем недавно сами испытывали, и идеалах, руководимых ими на начальном этапе ангажирования в работу организации. В результате создавалась новая биполярная система взаимоотношений, оба полюса которой на этот раз находились в пределах одной страны. Один из них был представлен активист_ками НПО, а второй – большинством граждан_ок, не ощущавшим, что их интересы учитываются в проектной деятельности третьего сектора.

Хотелось бы, однако, нюансировать мои предыдущие утверждения в том, что представленная биполярность достаточно условна и, без сомнений, имеет отношение к конкретному исследовательскому полю. Как Годси, так и другие автор_ки приводили примеры ограниченного круга организаций и двусторонних отношений, которые представляют НПО, работающие с определенными темами и финансируемые фондами, что имеют схожие с ними представления и идеологию.

Критика такого биполярного подхода была представлена Элиссой Хелмс в книге «Theorizing NGOs». Исследовательница на примере послевоенной Боснии

и Герцеговины писала о том, что в конце 1990-х именно ОБСЕ стало основным инициатором переключения внимания иностранных доноров на внутренние процессы в стране в рамках реализуемых ими проектов (Helms 2014: 25). В этот период местные НПО стали ассоциироваться у населения со всем западным, подразумевающим многие современные атрибуты, включая космополитичность, права человека, а также вполне материальные вещи, такие как мобильные телефоны, компьютеры, красивые офисы, а также банальную хорошо оплачиваемую работу (Helms 2014: 27, 30). В реальности же, если говорить о функционировании именно женских НПО, они в полной мере отличались своим разнообразием и в разной степени затрагивали вопросы изменения гендерных норм, которые в зависимости от организации понимались по-разному, продвижения женских прав и феминизма (также интерпретируемого по-разному). Были среди этих организаций и такие, которые помощь другим женщинам совершенно не связывали с необходимостью ликвидации патриархатного гендерного порядка и уж тем более не приписывали себе принадлежность к феминистскому движению. Группы же, характеризовавшие себя как феминистские, приобретали такую направленность под влиянием отдельных своих активисток, часто имевших твердую политическую и феминистскую позицию, а также личных контактов с другими активистками и донорами (Helms 2014: 30–31). Хелмс называла такое функционирование женских НПО в стране смесью стилей, утверждая, что все намного сложнее, чем простое приписывание одним лишь донорам и международным агентствам решающей роли в продвижении неправительственных организаций в регионе. Упрощением является также представление о НПО как о чем-то гомогенном, тогда как только в одной Боснии и Герцеговине исследовательница наблюдала разнообразие форм организации женщин, видение которых иногда кардинально отличалось. То, что неизменно присутствовало, это номинальное декларирование принадлежности к главной группе «агентов социальной трансформации», что обеспечивало их финансированием со стороны иностранных институций.

Это свидетельствует о многообразии отношений в неправительственном секторе всего постсоциалистического региона, и понятие бинарности, которое я использую в данной статье, носит скорее стратегический характер.

В среде женских НПО данная поляризация прежде всего находилась в тесной взаимосвязи с финансированием одних проектов и отсутствием средств на реализацию других, когда доноры отдавали предпочтение идеям, предлагаемым феминистскими группами либеральной направленности, и отвергали проекты традиционалистских женских организаций, искавших, например, средства на обучение женщин новым профессиям (McIntosh Sundstrom 2002: 222). Ключевую роль здесь стал играть именно глобальный актор, которого Майндри охарактеризовала как транснациональная гендерная политика, в основе своей оперирующая понятиями власти, определяющими, какие женщины заслуживают,

а какие не заслуживают поддержки (Mindry 2001). Антропологиня Онг, опиравшаяся при анализе ситуации на данные исследований из Индонезии, Китая и Малайзии, использовала менее радикальные утверждения, отмечая, что главной ошибкой глобальных актор_ок, руководствующихся по своей сути конструктивными стремлениями оказания помощи, является в первую очередь игнорирование локальной специфики и культурных ценностей людей «не-запада» (Ong 1996), а также рассматривание всех локальных актор_ок в качестве однородной группы, какого бы мирового региона это ни касалось. Такая нечувствительность в результате могла оказаться причиной игнорирования реальных потребностей людей в конкретном регионе, когда средства вкладывались в сферы, не считавшиеся приоритетными в понимании местных жителей_ниц.

В своем исследовании, посвященном работе гуманитарных организаций в Грузии с временно перемещенными лицами из Южной Осетии после последнего конфликта в 2008 г., Элизабет Данн приводила множество примеров, когда НПО не оказывались теми, кто прислушивается к реальным потребностям нуждающихся групп, а лишь использовали «готовые модели, разработанные ранее в штаб-квартирах НПО в субсахаральной Африке или юго-восточной Азии» (Dunn 2014: 298). Следствием такого подхода становились совершенно неуместные проекты, реализовывавшиеся в Грузии в лагерях с временно перемещенными лицами. Так, один из них предусматривал реализацию программ поддержки женщин по кормлению грудью в качестве ответа на предположение, что война станет причиной отказа местных женщин от грудного вскармливания (к этому прибавлялась также помощь в виде детских смесей от американских военных). Предполагалось (и это действительно могло иметь место в некоторых других регионах мира), что в кризисных ситуациях ввиду отсутствия чистой проточной воды, с которой должно смешиваться детское питание, такой вид кормления мог стать причиной серьезных заболеваний младенцев. Однако в Грузии, стране с длительной историей индустриализации, где чистая проточная вода не была проблемой, как не был проблемой и доступ к детским смесям, использовавшимся наравне с практикой кормления грудью, во введении данных программ не было никакой необходимости, чего нельзя было сказать о постоянном доступе к докторам и медикаментам, в которых временно перемещенные лица действительно нуждались и с чем действительно имелись проблемы (Dunn 2014: 298).

Это один из примеров, приводимых Данн и позволяющих представить, какая атмосфера имела место в лагерях для беженцев. В то же время апатия, в определенной степени являвшаяся причиной оставляемых без ответа нужд временно перемещенных лиц, работни_цами гуманитарных организаций оценивалась как лень и отсутствие желания к сотрудничеству (Dunn 2014: 299), что тут же было подхвачено грузин_ками, работающими в неправительственных организациях, которые отмечали, что такое поведение бежен_ок-грузин_ок из Южной Осетии

объясняется спецификой их характера, а именно их пассивностью и флегматичностью (Dunn 2014: 300). Эти их черты, по мнению обеих сторон (доноров и активист_ок), являются причиной бездействия и постоянного недовольства целевой группы проектов, которая не ценит оказываемую помощь по улучшению положения в лагерях и не пользуется в полной мере предлагаемыми возможностями, среди которых, конечно же, присутствуют стратегии по наделению властью – хорошо всем известное «empowerment» – местных женщин. Посредством приписывания якобы характерных определений одному из участников этих трехсторонних отношений, а именно так называемым бенефициариям, они оказывались лишены права голоса, а значит, и права озвучивать/называть/оценивать/критиковать/выносить на обсуждение, оказываясь в ситуации украденной у них агентивности («robbed agency», Dunn 2014: 300).

Локальный контекст прежде всего

В этом контексте понятными становятся рассуждения, ведущие к обвинению локальных актор_ок в пассивном принятии иностранных материальных средств в качестве само собой разумеющихся, и объяснения неудач в ходе реализации определенных проектов «советским мышлением» целевых групп, которое якобы не позволяет им принять предлагаемый «прогресс». Однако именно опыт советского периода во многом определяет нынешние взгляды части жителей_ниц региона, влияющие на восприятие предлагаемых извне нововведений. И здесь антропологическая перспектива может помочь в понимании того, как именно люди интерпретируют советское наследие, как его утилизируют в новых условиях и каким видят свое место, а также как в связи с этим представляют реализацию предлагаемых иностранными актор_ками проектов.

Несмотря на неоднозначные оценки эмансипационной политики советских властей, нельзя отвергать того факта, что со вступлением в силу ряда законов, которым сопутствовал тотальный контроль со стороны соответствующих структур, положение женщин во многих регионах Советского Союза существенно изменилось. Достаточно упомянуть их массовый приход в производство, что, несомненно, шло в паре с двойной занятостью. Оценки моих грузинских собеседниц своего советского опыта (и в моем случае это были как активистки неправительственных организаций, так и женщины, не вовлеченные в такую деятельность) характеризовались, однако, достаточно позитивным отношением к своему месту на рынке труда в то время, когда ситуация во многих случаях кардинально ухудшилась именно с распадом системы. Вспоминая свой прошлый опыт, собеседницы практически единогласно подчеркивали отсутствие, по их мнению, различий в трактовании человека на рабочем месте в связи с ее/его полом.

Были случаи, когда женщины достигали высоких должностей, в том числе в партийных структурах, как, например, мои собеседницы Нана и Нанули, в настоящее время работницы неправительственного сектора, которые в своих рассказах о восхождении по партийной лестнице – первая была секретарем партийной организации в Институте древней истории Грузинской Академии наук, а вторая секретарем комитета комсомола – выражали уверенность в развитии своей карьеры в результате справедливых выборов и не приписывали ее существовавшей в тот период системе квот. Свою уверенность в функционировании системы грузинки часто подкрепляли замечанием, что их страна отличается от других тем, что в Грузии равенство полов было «естественным» явлением, отвергавшим любые предпосылки к дискриминации, доказательством чего являются многочисленные грузинские княжны и царицы, появлявшиеся на всем протяжении истории региона. Кроме того, многие собеседницы были уверены, что после распада СССР «Грузию спасли женщины на своих плечах» (Ия, историк по образованию, Тбилисская НПО), зачастую работая больше по сравнению с мужчинами и полностью содержа собственные семьи.

В связи с такой оценкой реальности либеральный дискурс западных организаций о необходимости освобождения женщин в постсоветских странах и предоставления им прав не всегда находил отклик в грузинском контексте. Здесь женщины как никто другой чувствовали себя участницами процесса трансформации, которому предшествовал советский опыт эмансипации с его доступностью образования и возможностью заниматься карьерой, что в последующий период не отодвинуло этих женщин в сторону, а, наоборот, позволило активно включиться в экономические процессы, имевшие место в обществе. Вместе с тем данное положение вещей не исключало статуса этих женщин как жертв новой системы, которая пришла на смену советского проекта с его, пусть и ограниченными, социально-экономическими благами, возможностью свободного трудоустройства и профессиональной реализации с учетом общедоступности, например, детских дошкольных учреждений.

Расхождения в понимании гендерной дискриминации иллюстрируют данные другой постсоветской страны, а именно России. В своей статье Макинтош Сандстрем ссылалась на данные опроса 2001 г., проведенного в Москве, где на вопрос, какие группы в обществе испытывают на себе наибольшую дискриминацию, только 2,8% опрошенных согласились с утверждением, что этой группой являются женщины (McIntosh Sundstrom 2002: 224). За десять лет исследований среди российских женщин Макинтош Сандстрем часто слышала от респонденток, что именно они считают себя более сильными и способными по сравнению с мужчинами, отвергая наличие дискриминации по отношению к ним (McIntosh Sundstrom 2002: 223).

С похожей нарративной в ходе исследования столкнулась Хеммент, только в ее случае респондентками были сами НПО-активистки, работавшие с вопросами

гендерного насилия. Некоторые из ее собеседниц отрицали взгляд на насилие в отношении женщин как на наиболее актуальную проблему, затрагивающую российских женщин, и не разделяли идеи об инвестировании в нее такого большого количества средств со стороны западных доноров (Hemment 2004: 823). Наиболее актуальными, с точки зрения женщин региона, – и этот аспект занимает также ключевое место в моих исследованиях – являются системные социально-экономические проблемы, затронувшие после распада социалистического строя в равной степени и мужчин, и женщин, но именно женщины, как впоследствии оказывалось, во многих случаях более успешно справлялись с ними.

Согласно статистическим данным по Грузии, 39% женщин являются основными кормилицами в их семьях, и, для сравнения, роль кормильцев возлагают на себя 36% мужчин (Japaridze 2014: 104). Часть мужчин не смогла найти своего места в условиях новой экономической реальности и в отличие от грузинских женщин не так часто искала возможность открыть собственный бизнес или же найти работу в новой для себя сфере. Грузинки же оказывались более мобильными (статистика по стране говорит, например, о феминизации миграции с целью заработка), готовыми на кардинальные изменения профессии и согласными на работу на более низких должностях за меньшую зарплату. На протяжении своего исследования я многократно встречала десятилетиями не работающих мужчин и активных женщин, часто имевших несколько работ одновременно.

Эмблематичным является случай семьи Майи, которая после успешного удаления у нее опухоли в начале 1990-х на долгие годы стала основной кормилицей в их нуклеарной семье (следует отметить, что ее семья составляет часть расширенной семьи, куда входит многодетная семья брата ее мужа вместе с матерью семейства и незамужней сестрой обоих братьев), тогда как ее муж более десяти лет не имел постоянной работы, объясняя это в том числе тем, что не может устраиваться на должность, не соответствующую его основной специальности. Майя же, сохраняя за собой должность учительницы в средней школе, постоянно старалась заработать дополнительные средства, будь то выпечка пирожков, которые женщина впоследствии продавала в школьной столовой, или проведение тренингов для учителей в разных городах Грузии. Пример Майи, многих других собеседниц, а также тех, с кем мне не довелось встретиться, но данные о которых отражены статистикой, свидетельствует о том, что в грузинском контексте именно женщины выступали теми социальными акторками, которые смогли быстрее адаптироваться к новым условиям и взяли на себя полную ответственность по обеспечению собственных семей самым необходимым. Вместе с тем сами женщины не приписывали вину за сложившуюся ситуацию исключительно одним мужчинам. Для них такая ситуация являлась лишь симптомом комплексной проблемы, с которой столкнулись они, их семья и вся страна. Ряд исследовательниц региона также обращали внимание на этот аспект постсоци-

алистической действительности, отмечая, что как женщины, так и мужчины в равной степени оказались затронуты негативными последствиями трансформации, однако женщины, как это было, например, в случае Болгарии и ее Черноморского побережья, о которых писала Годси в «The Red Riviera», предстали более адаптированными индивидами, сохранив и укрепив за собой позиции в сфере обслуживания в туристической индустрии после распада соцлагеря.

Задача выживания постсоциалистических семей, легшая на женщину, решение которой зависело от ее способности найти работу, как утверждает Киблитская (2000), имела свою генеалогию в предыдущих эпохах и формировалась под влиянием рабочей этики, навязываемой женщинам советским государством. И, несмотря на то что с течением времени понимание этой ситуации претерпевало изменения, к переходному периоду сформировалось отношение женщины к работе за пределами дома как к ее неотъемлемой обязанности, не зависящей уже от позиции государства по этому вопросу. Ее основной мотивацией было поддержание собственной семьи, которую как раз и оставило то самое государство, а также, в некоторых случаях, отсутствие работы у трудоспособных мужчин данной семьи. Такое отношение к семейным потребностям толкало женщин на активные действия и адаптацию на рынке труда, что иногда приводило к новым, достаточно успешным карьерам (Kiblitckaya 2000: 55). И мои грузинские примеры в полной мере соответствовали этим наблюдениям исследовательницы.

Одолженные наррации

Представленная выше оценка ситуации идет вразрез с картиной грузинской постсоветской действительности, которую мне рисовали некоторые из активисток неправительственного сектора. Важным моментом их высказываний являлась однозначная отрицательная оценка социального положения женщин, констатирующая его патологический характер ввиду отсутствия трудовой активности со стороны грузинских мужчин. Хатуна, занимающаяся оказанием помощи жертвам траффикинга: «Труднее женщинам, чем мужчинам. Мужчины уезжают [речь идет о миграции с целью заработка], но реже. Женщинам легче найти работу... Мужчины не хотят работать, но они громко не говорят, что не хотят. Наверное, не хотят. Им легче так жить». Вместе с тем другие мои собеседницы, не принадлежащие к неправительственному сектору, не считали исключительно грузинских мужчин лично ответственными за эту ситуацию. Такое поведение последних интерпретировалось как всеобщая проблема, являющаяся лишь симптомом того неблагоприятного периода, в котором, как считалось, они все оказались.

Еще одним примером патологизирующей интерпретации стал разговор с представительницей организации из Зугдиди Экой. Прежде чем обратиться к

словам женщины, следует подчеркнуть, что регион Самегрело, столицей которого является Зугдиди, в наибольшей степени по сравнению с другими ощутил на себе последствия конфликта с Абхазией, граничащей с Самегрело, в начале 1990-х. В связи с этим общая ситуация здесь несколько отличается от общегрузинской. Вместе с тем статистические данные по стране не указывают на какие-либо существенные отличия этого региона. Например, случаи насилия в отношении женщин (факт, который использует Эка), согласно данным по региону за 2007 г., существенно ниже по сравнению с общими показателями по стране (Women and Men in Georgia 2008: 52). Позволю себе привести развернутое высказывание Эки: «Многие женщины, которых я знаю, сидят дома на протяжении более 15 лет. У них появились серьезные заболевания, в том числе депрессия. И многие из них стали полагать, что одна стирка и уборка, воспитание детей – это очень хорошо. Но знаете, в то же самое время, готовя и убирая каждый день, 25-летние женщины выглядели как 65-летние. Они начали выходить замуж в очень раннем возрасте, потому что у них не было других вариантов. Они не были знакомы со своими мужьями достаточно хорошо: они просто один раз встречались и решали выйти замуж. Нам известно много случаев домашнего насилия... В семье ты, женщина, молчи, ничего не говори. Не обязательно ходить в школу, читать не обязательно... В семье отец говорит, что ты все время должна сидеть дома и ты имеешь право выходить из дома только два раза – если кто-то умер и если свадьба. Если ты разведенная, они говорят, что ты должна умереть в семье, ты должна терпеть все... В Зугдиди каждый день каждая сидит дома, у них нет столько потребностей».

Ряд фактов, приводимых Экой, следует подвергнуть сомнению, как, например, о договорных браках. Само явление договорного брака было характерно для грузинских регионов вплоть до начала XX в. Беседуя с женщинами, я иногда встречала истории о договорных брачных союзах, но касались они женщин, рожденных самое позднее в 1950–1960-х гг., и не распространялись на более молодое поколение. Спорным является утверждение и об утрате значения образования для молодых грузинок, так как Грузия все время имела высокие показатели по уровню высшего образования среди женщин, установившиеся еще в советский период, что, однако, не всегда было связано с высокими доходами и высоким социальным статусом в обществе. Сам же образ бесправной грузинки в семье, каким он был нарисован моей собеседницей, в своей основе больше напоминает портрет американки, представленной Бетти Фридан в ее «Загадке женственности», нежели современной жительницы Грузии, пусть и в постконфликтном Самегрело.

В связи с данными аргументами я склонна предполагать, что наррации, которые предлагают представительницы неправительственных организаций, являются своего рода *одолженными наррациями*, взятыми у либерального феминистского дискурса с целью нахождения общего языка с их донорами. А так

как для них я также являлась своего рода человеком извне, в беседах со мной была избрана стратегия представления образа всесторонне угнетенной женщины и своевольного грузинского мужчины-патриарха. Будучи зависимыми от иностранных доноров и их средств, локальные НПО перенимали их язык и концепции, с помощью которых они стремились интерпретировать собственное общество (Sampson 1996: 125), конструируя некий коллективный субъект и предполагая, что только такими средствами возможна трансформация, забывая, однако, о разнице контекстов.

Как и в других постсоветских странах, в Грузии группа хорошо образованных местных женщин, часто из академической среды, постоянно выезжавшая за границу с целью участия в организуемых донорами обучающих семинарах, свободно владевшая английским языком, за короткий период времени превратилась в своеобразную элиту в рамках неправительственного сектора. Адаптация ими либерального дискурса о женских правах и разрыв с использованием локальных понятий, в свою очередь (Hrusak 2006: 97), тут же отделили их от опыта и потребностей многих женщин, на которых по сути должна была быть направлена их деятельность.

Большая грузинская семья как объект критики грузинских НПО

Вооружившись знаниями о том, какой должна быть «современная empowered (определение, при переводе которого до сих пор возникают трудности) женщина», международной публичности можно представить образ постсоветской женщины-жертвы, положение которой после краха прежней системы существенно ухудшилось. Одной из причин этого представительницы женских НПО называли локальные практики, которые они характеризовали как проявление традиционализма, однозначно носившее, по их мнению, окраску угнетения, что вписывалось в дихотомию традиционный vs модерный, разделяемую их заграничными партнерами (Abramson 1999).

Одной из таких практик Хатуна, представительница НПО, назвала совместное проживание нескольких поколений родственников, т.е. расширенный тип семьи, распространенный в Грузии: «И знаете, в грузинских семьях у нас традиция такая, что большие семьи у нас: родители, предки, и все вместе живут. Вот всем этим занимается уже одна женщина, например невестка. Им трудно уже со столькими людьми справляться. И они бегут от своей жизни, тяжелой жизни, нелегкой... У нас в основном все молодые семьи живут с родителями. Нет возможности жить отдельно... И семейное насилие как раз идет от этого. Семьи живут табором – это уже не семья».

Образ расширенной семьи и положения в ней женщины, нарисованный НПО-активисткой, представляет однозначно подавляющую природу отно-

шений, которые имеют место в таких семьях. Однако если действительно возможны ситуации, когда на одной женщине лежит груз исполнения всех работ по дому, то такое положение вещей скорее всего характерно для нуклеарных семей. В случае же расширенной семьи, что предполагает ее характер, в доме обычно проживает большее количество женщин – мать, дочь, бабушка, незамужняя сестра, между которыми и происходит разделение работ по дому.

Для понимания взаимоотношений, что имеют место в расширенной грузинской семье и которые Хатуна описала как устаревшие и патриархатные, необходимо понимать механизмы ее функционирования на уровне всего общества. В случае Грузии расширенная семья стала ответом на неспособность нового государства обеспечить стабильный уровень социально-экономического функционирования после распада социалистической системы. Именно родственные отношения и персональные связи, которые имеют место в расширенной семье, создали условия для преодоления трудностей и поддерживали прежнюю репродукцию, не позволив восторжествовать социальной энтропии, предпосылки к которой в стране явно существовали в начале 1990-х гг. Сконцентрированность грузин_ок на семье и родственных отношениях позволила людям справиться с трудностями переходного периода и поддерживает многих из них до сих пор; расширенный тип проживания родственни_ц, а также тесные контакты с соседями и ближайшим окружением становятся гарантом утраченной стабильности.

Распространенной становится работа на себя, в последнее время ставшая одним из часто встречающихся способов зарабатывания средств. По статистике шесть из десяти человек работают сами на себя или же являются семейными работни_цами (Baumann 2012: 264). Вместе с тем повсеместными становятся стратегии самообеспечения, выражающиеся в том, что более половины трудоспособных грузин_ок питаются овощами и фруктами собственного производства, что в два раза превышает данные советского периода (MacPhee 2005: 144). Однако многим технологический уровень такого производства позволяет рассчитывать лишь на обеспечение собранным урожаем собственной семьи и, в некоторых случаях, ближайших родственни_ц. При этом последнее не сопряжено с финансовой выгодой и часто осуществляется на бесплатной основе. В ситуации, когда государство оказывается неспособным взять на себя ответственность в сфере социального обеспечения, происходит реактивация межличностных связей, приоритет начинает отдаваться персональным контактам и непосредственной коммуникации, способным как создать условия для частных бизнес-коалиций, так и заменить отсутствующие отношения «человек – государство» на интимные, родственные союзы, способные дать чувство уверенности и нужности.

Потоки людей, которые проходят на протяжении всего дня через конкретный грузинский дом (и здесь под словом «дом» я понимаю не определенную постройку,

а семейную структуру со всеми ее правилами, распорядком дня, членами семьи), характеризуют не только родственный компонент, но также определенный уровень более расширенных межличностных отношений. Принимающую сторону отмечает чувство обязательства принять любого, несмотря на отношение к человеку и материальные возможности. Со стороны гостей существует четкое понимание того, в какое время и в какую именно семью они могут прийти, где им может быть предложен обед (если такая цель первоначально преследовалась). Для подобного рода отношений в грузинском языке существует специальное слово – «*rativiscema*», которое означает приглашение человека в гости, являющееся само по себе знаком уважения и предусматривающее впоследствии своего рода ответные действия со стороны гость_и. Таким образом, данное выражение имеет два значения, присутствующих одновременно: уважение и выгода. Похожий смысл содержится также в выражении «*valshi ar darche*» – «не быть в долгу», смысл которого: попытаться сделать/дать что-то взамен человеку, оказавшему тебе определенную услугу (из беседы с грузинской коллегой).

В такой вплетенности грузин_ок в обязательства по отношению к оказавшим тебе услугу, а также между людьми, имеющими родственные связи, в добровольном принятии на себя отношений зависимости можно заметить параллель с функцией семьи и околосемейных институтов в советское время, когда сосредоточение на семье и отношениях, имеющих в ней место, давало возможность отгородиться от репрессивной политики государства, сконцентрировавшись на потребностях этой небольшой социальной единицы (Tarkowski 1994). Благодаря тесным семейным и родственным контактам люди имели возможность доступа к труднодоступным товарам, желаемой должности, а также просто-напросто находили в семейных отношениях отдушину в условиях неопределенности вовне. Семья для многих стала прообразом убежища, в котором можно было отгородиться от «большого» мира и жить в своем небольшом пространстве, где те или иные товары, продукты питания курсировали по каналам знакомых, и ты четко знал, к кому следует обратиться, чтобы получить все необходимое; когда ты был в курсе, кого следует попросить, чтобы тво_я родственни_ца получил_а работу или путевку в санаторий. Но что существенно в сегодняшнем контексте, так это тот факт, что современная грузинская семья, как расширенная, так и нуклеарная, даже в условиях отделения от остальных родственни_ц в жилищном плане поддерживает с ними тесные отношения, сохраняя характеристики семьи-убежища. В нынешних нестабильных социально-экономических условиях семья остается тем институтом, который дает ощущение стабильности как в моральном плане, так и в его материальной составляющей. Люди по-прежнему стремятся окружить себя целым рядом отношений как родственного характера, так и на уровне соседей, что в случае необходимости позволит обратиться к ним с той или иной просьбой, а это, в свою очередь, культивирует у людей чувство обязательства по отношению к окружающим. И хотя сами грузин_ки в беседах неоднократно

отмечали, что чувство того, что ты можешь обратиться к человеку с любой просьбой, ушло по причине ухудшения положения в стране и сменившего его ощущения недоверия между людьми, я неоднократно была свидетельницей того, как сосед_ки либо друзья делились друг с другом теми или иными продуктами питания, родственни_цы передавали близким часть собственного урожая слив, из которого получившая подарок семья могла приготовить, например, соус ткемали на весь следующий год для домашнего потребления и крупных застолий.

Расширенная грузинская семья вне зависимости от существующего политического режима находила возможность укореняться в системе социально-экономических отношений прежде всего благодаря стремлениям входящих в нее людей, которые видели в поддержании существующих отношений иногда единственную возможность справиться с трудностями по ежедневному обеспечению себя всем необходимым. Современные же разделившиеся нуклеарные семьи характеризуются стремлением поддерживать эти отношения, способные заменить прежнее функционирование в рамках расширенной семьи, дополнительно окружая себя сетью взаимосвязей с сосед_ками, друзьями и дальними родственни_цами. И здесь взаимоотношения, которые строятся между женщинами, выступают неотъемлемым элементом функционирования строящейся на взаимопроникновении родственными связями системы. Не всегда, даже будучи связанными биологическими узлами, в расширенных семьях женщины строят отношения на основании эмоциональных связей и моральных обязательств. Стабильным компонентом их повседневного функционирования становится разделение обязанностей по дому между женщинами в зависимости от наличия у них свободного времени, забота о детях друг друга, эмоциональная поддержка, которая создает чувство уверенности в том, что ты не должна справляться со всем одна. По причине сопричастности к жизни грузинки целой группы женщин для нее становится реальным совмещение воспитания детей и профессиональной деятельности без какого-либо существенного ущерба для нее и ее семьи.

Такие заключения являются результатом моих наблюдений во время проживания в расширенной семье на протяжении достаточно длительного периода времени в ходе полевых исследований. Все они свидетельствуют о семья-центричном характере грузинского общества, где часто именно семья для женщины выполняет эмансипаторские функции, что само по себе исключает представление грузинской женщины о себе как об **автономном индивидууме**, так как на каждом этапе жизнь грузинки переплетается с целым рядом других социальных актор_ок, которые непосредственно оказывают влияние на ее повседневное функционирование и от которых она зависит. Привержен_ками же данного концепта (нео)либерального феминизма как раз и являются отдельные международные организации, пришедшие в регион после распада социалистической системы и утверждающие необходимость продвижения здесь женских прав и наделения местных женщин властью в соответствии с собственными представ-

лениями. Его в свою очередь охотно перенимают местные НПО, общаясь с первыми на одном языке и часто не обращая внимания на то, что им о самих себе говорят другие женщины.

Еще несколько слов об одолженных наррациях

Вместе с тем наряду с одолженными наррациями среди женщин, представительниц грузинских НПО, можно заметить присутствие нарраций, которые они разделяют со многими женщинами, что указывает на схожий опыт обеих групп и искусственность заимствования нарраций. Примером такого согласия является дискурс об абортах, которые в советский период были основным средством контроля фертильности среди женщин. В рамках проекта Магдалены Грабовской «Осколки свободы: активная субъектность женщин и гендерное равенство в социалистической Польше и Грузии», в котором я принимала участие до основного этапа собственных полевых исследований, в беседах с женщинами, в том числе с представительницами неправительственных организаций, часто появлялось упоминание о прерывании беременности, иногда неоднократном. Подчеркивая важность выбора женщины, многие собеседницы говорили о трагизме такого решения, так как считали эту процедуру однозначным убийством неродившегося ребенка.

О похожих наррациях в среде российских активисток, участвующих в борьбе женщин за репродуктивные права, писала Ривкин-Фиш (2004). Для ее собеседниц активизм состоял главным образом в поддержке идей планирования семьи и сексуальном образовании, которые, по их мнению, смогли бы повысить уровень национального здравоохранения и поддержать моральные ценности традиционной семьи (Rivkin-Fish 2004: 282). Как отмечала одна из собеседниц исследовательницы: «Мы не отрицаем материнства!», добавляя, что аборт – это в первую очередь большая потеря для женщины, а не выбор (Rivkin-Fish 2004: 287). Осуждающие высказывания в отношении абортотворения со стороны грузинских женщин, в том числе из неправительственного сектора, также свидетельствуют о травматичности для них такого опыта, в первую очередь связанного с нереализованным материнством, которое само по себе играет важную роль в семья-центричном габитусе грузинки.

Данные примеры подтверждают наблюдения Годси и Боровой о том, что в постсоциалистических реалиях либеральная риторика «pro-choice» не всегда срабатывала, так как ее введению предшествовало определение аборта как социальной необходимости в советский период ввиду, например, отсутствия средств на воспитание еще одного ребенка либо отсутствия возможности совмещения работы и материнства, что отличалось от вновь предложенного определения прерывания беременности как права женщины (Borovoy and Ghodsee 2012: 160–161). И, несмотря на то что риторика «pro-choice» была знакома в кругах непра-

вительственных организаций и озвучивалась местными феминистками, она так и не превратилась в слоган более широкого социального движения (Borovoy and Ghodsee 2012: 161). По крайней мере, не в таких странах, как Россия и Грузия. В качестве исключения можно упомянуть Польшу, где аборт так и не был полностью легализован, а значит, местные женщины могли ощущать существование угрозы своим базовым правам. В этом контексте понятными становятся рассуждения собеседниц Ривкин-Фиш, для которых активизм рассматривался не как борьба за индивидуальные права женщин, а являлся частью социальных стремлений женщин как группы и касался вопросов здравоохранения и надлежущей атмосферы для воспитания будущих детей.

Все это указывает на выборочность в адаптации либеральных нарративов со стороны представительниц НПО, свидетельствующую прежде всего о функциональной природе таких стратегий. В то же время они продолжают одалживать нарративы, предлагаемые им некоторыми западными донорами с целью «модернизации» Востока и продиктованные представлением о грузинском обществе как о патриархальном, где женщины рассматривались постоянно карабкающимися «вверх по ступеням модернизма»: начиная от традиционного общества к советской модели и заканчивая образом западной освобожденной женщины (Шакирова 2005). Данная «ловушка», в которую попали активистки местных НПО, а также сами западные доноры, свидетельствует о том, что нерелевантное заимствование либеральных феминистских нарративов может оказаться неэффективным и требуется разработка новых стратегий активизма, которые бы опирались на детальное изучение всех аспектов функционирования общества, включающее большее внимание к голосам женщин разных возрастов и социального положения, в чем антропологическая перспектива может оказать непосредственную помощь.

Заключение

Как уже упоминалось, антрополог_гине, занимающиеся исследованием постсоветского региона, уже в конце 1990-х гг. в своих работах обращали внимание на важность антропологической перспективы при анализе эффектов деятельности международных актор_ок, изучающих адаптацию западных либеральных моделей гражданского общества в регионе. Вместе с тем на практике имело место дальнейшее игнорирование локальной перспективы при реализации все новых и новых проектов. «True empowerment» (здесь ассоциации с названием брошюры «True empowerment of women in the public sphere in Georgia», появившейся в 2014 г. как следствие начала реализации проекта польскими НПО), предложенное западными донорами и тут же подхваченное местными НПО, как оказалось, не имело ничего общего с его пониманием локальными актор_ками, которые источники власти женщины неизменно наблюдали именно в стабиль-

ности функционирования собственного дома, что не отвергало параллельной ее реализации за его пределами.

Феминистскую теорию долгие годы характеризовало представление об универсальности гендерной иерархии вне зависимости от контекста, а также гендерная асимметрия, предписывающая западноевропейским женщинам и колониальным представительницам разные роли, что лишало колониальный субъект возможности построения собственной позитивной идентичности (Tlostanova, *On post-soviet*: 6). Еще в 1984 г. Чандра Моханти писала о том, что в западных феминистских текстах того времени женщины «третьего мира» выступали в качестве монолитного субъекта, характеризуя западную научную мысль как этноцентричную и опирающуюся на ложное понимание вклада этой мысли, что в свою очередь вело к угнетению женского субъекта в других географических контекстах (Mohanty 1984: 333, 335).

Деколонизация же гендерного подхода предполагает повторное рассмотрение традиций, ассоциировавшихся с патриархатным порядком, унижением, отсталостью, невежественностью и отсутствием когерентной гендерной субъектности (Tlostanova, *On post-soviet*: 6), и предусматривает использование локальной перспективы для анализа содержания гендерных практик. Это может стать началом процесса по деколонизации образа постсоветской женщины, который варьируется в зависимости от локального контекста и социально-экономических условий. Первостепенным в данной перспективе является использование критического подхода, который бы принимал во внимание локальный контекст и находил параллели с уже существующими концепциями, что дало бы возможность найти новый интердисциплинарный язык для выражения иного гендерного мышления (Tlostanova, *On post-soviet*: 13).

Вместе с тем я отдаю себе отчет в том, что в современном контексте создание очередной дихотомии – в данном случае местные женщины vs западный либеральный феминистский дискурс – становится достаточно проблематичным и сенситивным элементом настоящей статьи. Такое противопоставление некоторыми может быть интерпретировано как поддержание паники и атмосферы враждебности вокруг деятельности НПО, на что оказывают влияние тенденции, наблюдаемые в современной России, Венгрии и Польше, и характеристика связей последних с международными партнер_ками как вражеских по отношению к собственному государству.

Дебаты вокруг деятельности неправительственных организаций в этих странах (куда можно отнести также последние события вокруг Центрально-Европейского университета в Будапеште) приобретают явно политизированный характер, а аргументы, используемые в этих дебатах, могут напоминать отмеченное мной разделение на элиты, находящиеся под влиянием западных доноров, и локальных индивидов, на чьи насущные потребности они отказываются обращать внимание, будучи поглощенными собственными материальными ин-

тересами. Однозначно не преследуя своей целью поддержание паники по поводу существования неких глобальных западных сил, которые якобы стремятся контролировать локальных акторов посредством имеющихся у них материальных ресурсов, я в первую очередь пытаюсь обратить внимание на двойственность дискурса, существующего в грузинских неправительственных кругах, и его соотношение с другими нарративами, присутствующими в обществе, опираясь на инструментарий, который имеется в распоряжении у антропологов, а также предлагаю анализ стратегии поведения НПО-активисток, их мотивы и системно-исторические предпосылки имеющих место нарративов.

Литература

- Гирц, К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Шакирова, С. Женщины.SU – женщины.KZ: особенности перехода. В: *Гендер: традиции и современность. Сборник статей по гендерным исследованиям*. Под ред. С.Р. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 92–135.
- Abramson D. A Critical Look at NGOs and Civil Society as Means to an End in Uzbekistan. *Human Organization*. 58(3). 1999. P. 240–250.
- Baumann E. Post-Soviet Georgia: It's a Long, Long Way to «Modern» Social Protection... *Economies et Societes*. 46(2). 2012. P. 259–285.
- Borovoy A., Ghodsee K. Decentering Agency in Feminist Theory: Recuperating the Family as a Social Project. *Women's Studies International Forum*. 35. 2012. P. 153–165.
- Dunn E. G. Humanitarianism, Displacement, and the Politics of Nothing in Postwar Georgia. *Slavic Review*. 73 (2), Summer. 2014. P. 287–306.
- Einhorn B., Sever C. Gender and Civil Society in Central and Eastern Europe. *International Feminist Journal of Politics*. 5(2). 2003. P. 163–190.
- Fisher W. Doing Good? The Politics and Antipolitics of NGO Practices. *Annual Review of Anthropology*. 26. 1997. P. 439–464.
- Hann C., Dunn E. (eds). *Civil Society: Challenging Western Models*. London: Routledge, 1996.
- Ghodsee K. Feminism-by-Design: Emerging Capitalisms, Cultural Feminism, and Women's Nongovernmental Organizations in Postsocialist Eastern Europe. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 29 (3). 2004. P. 727–753.
- Ghodsee K. *The Red Riviera: Gender, Tourism, and Postsocialism on the Black Sea*. Durham, NC: Duke University Press, 2005.
- Helms E. The Movementization of NGOs? Women's Organizing in Postwar Bosnia-Herzegovina. В: *Theorizing NGOs: States, Feminisms and Neoliberalism*. Ed. by V. Bernal and I. Grewal. Durham, London: Duke University Press, 2014. P. 21–49.
- Helms E. Women as Agents of Ethnic Reconciliation? Women's NGOs and International Intervention in Post-war Bosnia-Herzegovina. *Women's Studies International Forum*. 26(1). 2003. P. 15–33.
- Julie Hemment. Global Civil Society and the Local Costs of Belonging: Defining Violence against Women in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture & Society*. 29. 2004. P. 815–840.
- Alexandra Hrycak. Foundation Feminism and the Articulation of Hybrid Feminisms in Post-Socialist Ukraine. *East European Politics and Societies*. 20 (1). 2006. P. 69–100.

- Japaridze, E., Barkaia, M., Zhghenti, N., Amashukeli, M. The Study of Georgian Youth's Awareness, Perceptions and Attitudes of Gender Equality. Tbilisi: Nekeri, 2014.
- Kiblitckaya, M. *Russia's Female Breadwinners: The Changing Subjective Experience*. B: *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Под ред. S. Ashwin. London: Routledge, 2000. С. 55–70.
- Lewis D. Revealing, Widening, Deepening? A Review of the Existing and Potential Contribution of Anthropological Approaches to «Third-Sector» Research. *Human Organization*. 58(1). 1999. P. 73–81.
- MacPhee C. R. Roll over Joe Stalin. Struggling with Post-Soviet Reform in the Caucasus. New York: Universe Inc. 2005.
- McIntosh L. Sundstrom. Women's NGOs in Russia: Struggling from the Margins. *Demokrati-zatsiya*. Vol. 10 Issue 2, Spring. 2002. P. 207–229.
- Mindry D. Nongovernmental Organizations, «Grassroots», and the Politics of Virtue. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 26(4). 2001. P. 1187–1212.
- Mohanty C. T. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. *Boundary 2*. 12(3). On Humanism and the University I: The Discourse of Humanism. Spring – Autumn. 1984. P. 333–358.
- Nayak M., Suchland J. *Gender Violence and Hegemonic Projects*. *International Feminist Journal of Politics*. 8 (4). 2006. P. 467–485.
- Ong A. Strategic Sisterhood or Sisters in Solidarity? Questions of Communitarianism and Citizenship in Asia. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 4(1). 2006. P. 107–35.
- Phillips S. D. Civil society and healing: Theorizing women's social activism in post-soviet Ukraine. *Ethnos*. Vol. 70: 4, dec. 2005. P. 489–514.
- Rivkin-Fish M. «Change Yourself and the Whole World Will Become Kinder»: Russian Activists for Reproductive Health and the Limits of Claims. *Medical Anthropology Quarterly*. 18(3). 2004. P. 281–304.
- Rivkin-Fish M. Health Development Meets the End of State Socialism: Visions of Democratization, Women's Health, and Social Well-Being for Contemporary Russia. *Culture, Medicine and Psychiatry*. 24(1). 2000. P. 77–100.
- Sampson S. The Social Life of Projects: Importing Civil Society to Albania. B: *Civil Society: Challenging Western Models*. Под ред. C. Hann, E. Dunn. London: Routledge, 1996. P. 119–39.
- Suchland J. *Is Postsocialism Transnational? Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 36(4). 2011. P. 837–862.
- Tarkowski J. *Socjologia świata polityki. Tom 1. Władza i społeczeństwo w systemie autorytarnym*. Warszawa: Instytutu Studiów Politycznych PAN, 1994.
- Tlostanova M. From Biopolitics and Necropolitics to Geo-politics and Body-politics of Knowledge. *Вестник РУДН. Серия Философия*. № 1. 2011. P. 39–48.
- Tlostanova M. On Post-Soviet Imaginary and Global Coloniality: A Gendered Perspective. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/1761213/On_Post-Soviet_Imaginary_and_Global_Coloniality_a_Gendered_Perspective
- Turbine V. Women's Human Rights in Russia: Outmoded Battlegrounds, or new sites of contentious politics? *East European Politics*. Vol. 31. No. 3. 2015. P. 326–341.
- Women and Men in Georgia. Statistical Booklet. Tbilisi: Ministry of Economic Development of Georgia, Department for Statistics, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.parliament.ge/files/670_11253_663836_1-eng.pdf